

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.30>

Папоян Кристина Олеговна, Кошарная Светлана Алексеевна

ФИТОНИМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Фитонимическая лексика является значимым объектом исследования в контексте лингвокультурологического осмысления поэзии М. И. Цветаевой, поскольку репрезентирует художественные образы, характерные для индивидуально-авторской картины мира. В данной статье рассматривается фольклорно-мифологическая символика, транслируемая посредством фитонимических образов, в преломлении к художественной картине мира М. И. Цветаевой, где находит отражение как наследие этнокультуры, так и авторская самоидентификация с миром природы, позволяющая передать эмоции и состояния лирической героини.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 143-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.1

Дата поступления рукописи: 12.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.30>

Фитонимическая лексика является значимым объектом исследования в контексте лингвокультурологического осмысления поэзии М. И. Цветаевой, поскольку репрезентирует художественные образы, характерные для индивидуально-авторской картины мира. В данной статье рассматривается фольклорно-мифологическая символика, транслируемая посредством фитонимических образов, в преломлении к художественной картине мира М. И. Цветаевой, где находит отражение как наследие этнокультуры, так и авторская самоидентификация с миром природы, позволяющая передать эмоции и состояния лирической героини.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; индивидуально-авторская картина мира; фитонимическая лексика; фитоним; миф; фольклор; культурная коннотация.

Папоян Кристина Олеговна

Кошарная Светлана Алексеевна, д. филол. н., профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

reniteg@yandex.ru; kosharnaja@bsu.edu.ru

ФИТОНИМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Язык поэзии – это особая форма существования языка, с помощью которой поэт и осмысляет (познает), и создаёт свой собственный мир, и слово становится для поэта и инструментом познания, и его результатом, причем результатом, вобравшим в себя и этнокультурное (общенародное), и индивидуально-авторское. В этом контексте поэтическая картина мира М. И. Цветаевой может быть описана с новых – лингвокультурологических – позиций, чем обусловлена **актуальность** настоящего исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что в контексте особенностей идиостиля М. Цветаевой анализируются образные потенции фитонимов – языковых единиц, занимающих важное место в любой языковой картине мира и репрезентирующих древнейшие представления народа, включая мифологические и фольклорно отмеченные. Данный аспект становится всё более популярным в исследованиях языковедов [2; 7; 8].

Как известно, знания о человеке формируют язык. При этом природа служит древнейшим источником вдохновения, без которого не обходится ни одна культура. В любой культуре функции растений формируются из потребностей человека. Многие ученые изучают влияние растений на культуру и их культурную интерпретацию у разных народов [4, с. 17]. Растения отражают становление культурного сознания, так как являются неотъемлемой древнейшей частью человеческой жизни. Они функционировали как в быту, так и в обрядах. Их наделяли мистическими свойствами и обожествляли, им поклонялись и почитали, их оберегали и опасались. Растения использовали для защиты и оберегов, лекарств, пропитания. Все это обусловило мифологизацию растений и – как следствие – их наименований.

По мнению С. А. Кошарной, миф – это не просто легендарное повествование, но особый способ концептуализации действительности, особая когнитивная парадигма, древнейшая, а потому глубинная, устойчивая, транслируемая посредством языковой картины мира [6, с. 84]. Он таит в себе истоки фольклорного мира. Структурные элементы мифа представлены в сознании носителя языка в виде мифологических образов и связанных с ними стереотипных представлений и ситуаций (мифологем). При этом в качестве языковой репрезентации мифологического образа выступает не только *мифоним* – именование вымышленного объекта и одновременно – средство объективации мифоконцепта, но и наименование реального объекта, осмысленного в контексте мифологической когнитивной парадигмы [5; 6]. Фольклорная картина мира народа, по сути, вырастает из мифологической, как сказка вырастает из древнего мифа, и на современном этапе ученые чаще всего говорят о единой фольклорно-мифологической картине мира, внутри которой порой невозможно строго дифференцировать мифологические и фольклорные элементы. При этом и те, и другие, оказываясь в контексте художественной картины мира, реализуют свои онтологические метафорические и символические потенции и коннотации.

В объективе нашего исследования – фитонимическая лексика как носитель мифологических и фольклорных коннотаций. Таким образом, фитоним рассматривается нами как единица языка и культуры.

Фитонимическая лексика понимается в нашей работе традиционно. Вслед за другими учеными, мы включаем в этот класс наименований родовые и видовые номинации деревьев, кустарников (*дерево, куст, дуб, смородина* и т.п.), трав (*осока* и подоб.), цветов (*роза, ромашка*), ягодных (*земляника, вишня*), овощных и плодовых культур (*капуста, яблоня, яблоко* и подоб.) и т.д. Единицей данной системы номинаций является *фитоним*, который представляет собой наименование «собственных, индивидуальных растений» [4, с. 11-12].

По мнению Е. Г. Галициной, фитонимы можно рассматривать с трех сторон – лингвистической, ботанической и философской. «Ботаника представляет информацию о характеристиках растений, которые стали мотивами для появления их названий, – об их строении, цвете, форме, местах произрастания и т.д. В философии фитонимы понимаются как термины, обозначающие естественные виды – отражают особенности, которые существуют в природе на самом деле, и, в отличие от других лексических групп, эти названия не являются произвольными» [3, с. 36].

Для разноаспектных лингвистических исследований фитонимической лексики разработаны различные не противоречащие друг другу классификации. В данной работе мы следовали тематической классификации фитонимов, которая традиционно вычленяет лексико-тематические кластеры на основе ботанической общности номинируемых реалий. Данная классификация, в частности, используется в работах лингвофольклористов: М. А. Бобуновой [1], Ю. А. Дьяченко [4], А. М. Летовой [7] и др. Исходя из тематической ограниченности нашего фактического материала, в нашем исследовании представлены только три кластера из обозначенных в классификации авторов: «Дендронимы», «Наименования цветочных растений», «Наименования травянистых растений».

Однако **целью** нашего исследования является не просто вычленение подобных кластеров для художественной картины мира М. И. Цветаевой, а осмысление роли фитонимической лексики как носителя образных смыслов и, в частности, фольклорно-мифологических реминисценций.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- выявить наиболее характерные для индивидуально-авторской картины мира М. И. Цветаевой подгруппы фитонимической лексики;
- осуществить контекстный анализ фитонимов, привлекая при этом лексикографические источники;
- осуществить анализ смыслового наполнения того или иного фитонима в контексте поэтической картины мира автора, включая мифологические и фольклорные коннотации;
- выявить ассоциативные связи фитонимов как фактов языка и культуры.

Как показал анализ, фитонимы являются значительным пластом в творчестве автора. В поэзии М. И. Цветаевой элементы природы олицетворяются, являются спасением, утешением, помощниками, местами силы и опасности, домом, поэтическим даром. Они тесно связаны с мифологией и фольклором. Мифологические и фольклорные образы взаимно проникают друг в друга как в диахронии, так и в синхронии.

Рассмотрим подробнее факты символизации фитонимической лексики в лирике М. И. Цветаевой.

Группа дендронимов (наименования деревьев и кустарников) в поэтической картине мира М. И. Цветаевой. В данную группу вошли такие отмеченные в произведениях автора фитонимы, как: *дерево (древо), куст, рябина, бузина, ива (ивняк), олива, береза, дуб, тополь, сосна, вяз*, а также примыкающие к этой группе лексемы *плод, лист, яблоко, виноград, гроздь, кисть, заросли, чаща*. Рассмотрим наиболее характерные поэтические символы-дендронимы М. И. Цветаевой.

В славянской мифологии деревья почитались и тесно связывались с тремя мирами. В сознании славян существует сближение дерева и храма как священных мест. Дерево являлось проводником между мирами, обладало уникальными свойствами. В стихотворении М. И. Цветаевой «В сновидящий час мой...» [10, с. 17] автор, или лирическая героиня (поскольку для Цветаевой автор и героиня почти неразсторжимы), отождествляет себя с деревом, реконструируя посредством однокоренной метафоры этимологическую связь *сердце – сердцевина*. *Сердце* лирической героини в результате предстаёт огромным – на всю высоту ствола (*сердцевина*), уходящего *ввысь, к высотам*, что обуславливает индивидуально-авторское символическое единство: *рост (высь, высоты, до неба) – любовь* – то есть чувство, которое возвышает человека, устремляет его *ввысь, к небу*: «*Я знаю: не сердце во мне, – сердцевина / На всем протяженьи ствола. / Продолжное сердце, от корня до краю / Стремнее Рост и Любовь. / Древесная – чистая, – вся ключевая, / Древесная – сильная кровь / <...> Из темного чрева, где скрытые руды, / Ввысь <...> / Из недр земных – и до неба: отсюда / Моя двуединая суть / <...> К высотам прекрасная страсть*» [Там же]. Параллелизм «Человек» – «Дерево» традиционен для мифологической картины мира, и в данном контексте фитоним в поэтическом контексте высвечивает именно такие – мифологические – коннотации: героиня как существо с двуединой сутью – разворачивается своеобразная мифологема.

В соответствии с традицией осмысливается автором образ плода древесного растения. Так, известно, что спелый плод в фольклоре является символом зрелости, а период его вызревания становится знаком надежды. В лирике М. И. Цветаевой плод репрезентирует дом, долгожданное спасение и покой: «*Тяжко – как спелый плод – / Падают: – Сыне! // Смолкло в своем хлеву / Стадо людское. // На золотом холму / Двое – в покое*» [Там же, с. 15].

Из видовых наименований деревьев и кустарников для индивидуально-авторской картины мира М. И. Цветаевой наиболее характерны фитонимы *рябина* и *бузина*.

Исследователь поэтической картины мира С. А. Щербаков справедливо утверждает: «Некоторые поэты в связи с созданными ими флористическими феноменами даже ассоциируются с определенными растениями-символами: Николай Клюев – с елью и кедром, Сергей Есенин – с кленом и березой, **Марина Цветаева – с рябиной**, Анна Ахматова – с ивой. При этом... аллюзийная связь между данными авторами и их “растительными двойниками” очевидна» [11, с. 38].

Уже само рождение М. И. Цветаевой онтологически связано с осенним плодоношением рябины: «*Красною кистью / Рябина зажглась. // Падали листья. // Я родилась. <...> Мне и доньне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть*» [9, с. 501]. Жаркая и горькая рябиновая кисть становится многозначным символом в поэзии М. И. Цветаевой: это и она сама (или её героиня с яркой и горькой судьбой), и Родина, судьба которой также отмечена горечью и этим знаковым для России цветом – красным: «*Тоска по родине! Давно / Разоблаченная морока! / Мне совершенно все равно – / Где совершенно одинокой / Быть, / по каким камням домой / Брести с кошелкою базарной / В дом, и не знающий, что – мой, / Как гостинь или казарма. / <...> Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, / И все – равно, и все – едино. / Но если по дороге — куст / Встаёт, особенно – рябина...» [10, с. 315-316].*

В стихотворении «Бузина» образ *бузины* репрезентирует долгий жизненный путь героини – от счастливого детства до разлуки с Родиной, любовь к которой сохраняется: «*Бузина цельный сад залила! / Бузина*

зелена, зелена, / Зеленеет, чем плесень на чане! / Зелена, значит лето в начале, / Синева – до скончания дней! / Бузина моих глаз зеленей! / <...> Новоселы моей страны! / Из-за ягоды – бузины, / Детской жажды моей багровой, / Из-за древа и из-за слова. / <...> Я бы века болезнь – бузиной назвала...» [Там же, с. 296].

В славянской мифологии отражено отношение к бузине как к опасному, нечистому и проклятому растению. Считалось, что данное растение – одно из древнейших и поэтому причастно к мифическим протособытиям. Это небольшое дерево или кустарник зачастую использовали в различных обрядах. В поэтической картине мира М. И. Цветаевой фитоним *бузина* выступает в двух значениях: собственно растение, куст (*зелена бузина*) и его плоды (*багровые ягоды*). Это сопряжение в проявлениях природного объекта двух ярких природных цветов – цвета глаз героини и цвета крови – создает драматизм произведения, отражающий драматизм судьбы самого автора.

Однако не только *рябина* и *бузина* – самые значимые, пожалуй, для М. Цветаевой фитонимы, но и более экзотические растения становятся элементами её поэтического мира. Так, *розмариновый* ларчик и *олива* у изголовья выступают хранителями ценностей и самого сокровенного. Ларец издревле скрывал от чужих людей содержимое, в данном контексте ларчик скрывает тело и душу лирической героини: «– *Грудь Ваша благоуханна, / Как розмариновый ларчик... / Ясновельможная панна...»* [Там же, с. 23]. Олива у изголовья скрывает и хранит смертную любовь от гнева Богов, хотя в мифологии образ оливы символизирует победу, чистоту и радость: «*Смуглой оливой / Скрой изголовье. // Боги ревнивы / К смертной любви»* [Там же, с. 27].

Заросли, скопления растений становятся в картине мира автора оберегом, скрывающим героя/героиню от враждебного мира: «*По зарослям словесных чащ / Спасайся, Царь!»* [Там же, с. 18]. Фитонимическая метафора *заросли словесных чащ* ассоциативно соотносится с лесом как укрытием, убежищем.

Образ леса занимает значимое место в фольклорно-мифологической картине мира русского народа, ср. русские сказки, где пространство леса осмысливается и как пространство испытания героя, и как символ границы, порубежья миров, и, следовательно, связан с миром мёртвых, о чем писали А. Н. Афанасьев, В. Я. Пропп и др. исследователи. «Лес не только становится основой жизнестроительства восточнославянских племен, но выполняет защитную функцию и в то же время представляет опасность, он получает мифологическое осмысление как часть антимира, что нашло отражение в устном народном творчестве» [6, с. 235].

В стихотворении М. И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес» лес обретает значение особого мистического места силы, границы миров, рождения и смерти: «*Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес, / Оттого, что лес – моя колыбель, и могила – лес»* [9, с. 219], в чем просматривается следование автора лингвокультурной традиции.

Листва, лист древесного растения также может обретать статус поэтического символа. Так, цикл развития листа дерева может служить метафорой человеческой жизни – от пробуждения листа в почке дерева до его осеннего падения. И эта символика присутствует в поэтической картине мира М. И. Цветаевой, где листья ассоциируются с людьми: «*Как звезды меркнут понемногу / В сиянии солнца золотом, / К нам другу друг давал дорогу, / Осенним делаясь листом, / – И каждый нес свою тревогу / В наш без того тревожный дом»* [Там же, с. 60].

Наименования цветочных растений. В текстах автора встречается несколько наименований цветочных растений: *астры, роза, ландыш, мимоза, одуванчик, резеда*. Иногда один небольшой текст оказывается сверхнасыщенным подобными наименованиями, например: «*Один маня, другой с полуугрозой, / Идут цветы блестящей чередой. / Мы на заре клянемся только розой, / Но в поздний час мы дышим резедой. / Один в пути пленяется мимозой, / Другому ландыш мил, блестя в росе. – / Но на заре мы дышим только розой, / Но резедой мы кончаем все!»* [Там же, с. 317]. Здесь череда фитонимов становится символизацией жизни человеческого чувства, эмоциональной жизни человека – от её расцвета до угасания.

Наиболее поэтизирован из наименований цветочных растений фитоним *роза*. Данный образ в поэтической картине мира в целом реализует два противоположных значения: небесное совершенство и земная страсть. В культуре христиан этот образ интерпретируется как мученичество. В стихотворении М. И. Цветаевой данный фитоним обретает смысловое значение расплаты: «*Уплачено же – всеми розами крови / За этот просторный покров / Бессмертья...»* [10, с. 183].

В другом произведении М. И. Цветаевой фитоним *роза* репрезентирует поэтический дар, пророческий, мистический, свободный и независимый: «*Стихи растут, как звезды и как розы, / Как красота – ненужная в семье. <...> / О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты / Закон звезды и формула цветка!»* [9, с. 418].

Еще один из известнейших поэтических образов – *ландыш*. Его поэтическое осмысление неразрывно связано с белым цветом. Отметим, что этот цвет имеет две противоположные символические интерпретации. С одной стороны, белый цвет является характерным признаком сверхъестественных существ, несущих добро. Это символ чистоты и доброты, благодати. Следовательно, ландыш может быть осмыслен как символ жизни, чистоты, нежности, верности, счастья и любви.

С другой стороны, белый цвет в языческом – мифологическом – сознании связывался с цветом снежного покрова, савана, под которым засыпает и умирает все живое, а потому белый цвет символизировал смерть. Именно поэтому невеста традиционно надевала платье белого цвета, так как в процессе свадебного обряда она «умирала» для своего рода и разрывала связь с прошлой жизнью, чтобы «воскреснуть» в жизни новой.

Оба эти смысла проникают в поэтическую картину мира М. И. Цветаевой. Так, в стихотворении «*Ландыш, ландыш белоснежный»* образ нежного белого цветка символизирует «*маленькую*» девушку – чистую, почти сверхъестественную. При этом данный образ стоит в одном ряду с другим фитонимом – *розаном аленьким*, – в котором запечатлено сочетание полисемантического образа невесты (невеста – источник новой жизни и воплощение смерти). Два этих символа воплощают в произведении М. И. Цветаевой ушедшую из жизни лирическую героиню: «*Ландыш, ландыш белоснежный, / Розан аленький! / Каждый говорил ей нежно: / “Моя маленькая!” / <...> – Будешь цвести под райским древом, / Розан аленький!»* [Там же, с. 551].

Наименования травянистых растений в картине мира автора. В целом подобные наименования в поэзии М. Цветаевой нечастотны: *тростник, трава*. В этом весьма ограниченном ряду заслуживает внимания фитоним *тростник*, который в картине мира М. И. Цветаевой традиционно связан с болотом: «**Тростником-ивняком – болотом, / А где конь не берет, – там летом, / Все ветра полонивши в плац!**» [10, с. 21]. Болото в фольклоре традиционно считалось опасным местом. Эта среда, чуждая человеку, в ней обитает нечистая сила. Но при этом автор ставит его в один ряд с другим фитонимом – дендронимом *ивняк*. Ива была мифологизирована во многих культурах. На Востоке это символ женского плодородного начала и знак природной силы. Эллыны считали иву символом подземного царства. У славян ива – проводник целительного волшебства. В произведении М. И. Цветаевой тростник-ива-болото выступает единым опасным местом, подземным волшебным миром, который необходимо преодолеть.

Фитоним *тростник* также присутствует в стихотворении «Вскрыла жилы – неостановимо...». В данном произведении тростник питается кровью поэта и вместе с этим прорастает: «**Вскрыла жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь. // <...> Через край – и мимо / В землю черную, питать тростник**» [Там же, с. 315]. Здесь автор реализует и символический параллелизм *кровь – стихи*, в связи с чем можно предположить, что метафора *крови* в этом стихотворении репрезентирует *чернила*, которыми пишет поэт, исходя из чего и *тростник* может быть осмыслен в контексте данной метафоры как *инструмент поэта, писчее перо*. Известно, например, что египтяне использовали для письма тростниковые палочки. Думается, не случайно М. И. Цветаева пишет здесь именно о тростнике, учитывая данную культурную коннотацию.

Таким образом, наше исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Наиболее многочисленную группу фитонимической лексики в поэзии М. И. Цветаевой составляют дендронимы и примыкающие к этому кластеру номинации (*дерево (древо), куст, рябина, бузина, ива (ивняк), олива* и др.).

2. Посредством фольклорно-мифологических этнокультурных коннотаций фитонимов М. И. Цветаева создает свой эмоционально окрашенный авторский языковой мир: *горькая* и *жаркая рябина*, ядовитая *багровая бузина* становятся поэтическими доминантами её поэтической индивидуально-авторской картины мира.

3. Ряд фитонимических символов полисемантически как в лингвокультуре, так и в картине мира автора: *роза* – символ юности и эмоционального подъема и символ муки (шипы роднят розу с терновым венцом).

4. Автор не просто «заимствует» традиционные фольклорно-мифологические символы языковой картины жизни народа, а трансформирует их в соответствии со своими целями и задачами (*сердцевина дерева – сердце поэта в состоянии любви*; питающийся соками земли *тростник* – питающееся чернилами (*кровью поэта*) перо).

В целом анализ фитонимических образов как носителей фольклорно-мифологических культурных коннотаций в поэзии М. И. Цветаевой показывает, что становление автора как поэта происходит через осознание себя в контексте русской культуры, берущей свое начало в глубине веков.

Список источников

1. **Бобунова М. А.** Динамика народно-песенной речи (на материале фитонимической лексики в необрядовой русской народной лирической песне): автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 1990. 22 с.
2. **Бурмистрова Т. Н.** Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2008. 24 с.
3. **Галицына Е. Г.** Особенности изучения лексической группы фитонимов (на материале фитонимов древнеанглийского языка) // Молодой ученый. 2015. № 10. Ч. 5. С. 36-37.
4. **Дьяченко Ю. А.** Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Курск, 2010. 18 с.
5. **Кошарная С. А.** В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию. Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. 141 с.
6. **Кошарная С. А.** Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2002. 287 с.
7. **Легова А. М.** Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дисс. ... к. филол. н. М., 2012. 198 с.
8. **Хроленко А. Т.** Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 192 с.
9. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. 640 с.
10. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. 592 с.
11. **Щербаков С. А.** Флористические образы и мотивы в русской поэзии XX века: монография. М.: Московский госуниверситет леса, 2011. 171 с.

PHYTONYMIC IMAGES IN M. I. TSVETAEVA'S POETICAL WORLDVIEW

Papoyan Kristina Olegovna

Kosharnaya Svetlana Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Belgorod State National Research University
reniteg@yandex.ru; kosharnaja@bsu.edu.ru

Phytonymic vocabulary is an important research area in the context of linguoculturological interpretation of M. I. Tsvetaeva's poetry because it represents the artistic images typical of the author's original worldview. The article examines folkloric and mythological symbolism transferred by phytonymic images in relation to M. I. Tsvetaeva's artistic worldview, which is based on ethno-cultural heritage and the author's self-identification with the natural world. It allows the poetess to transfer emotions and psychical states of a lyrical heroine.

Key words and phrases: linguoculturology; author's original worldview; phytonymic vocabulary; phytonym; myth; folklore; cultural connotation.